

ПРАВО НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И ЕВРОПЕЙСКИХ ПРАВОВЫХ СТАНДАРТОВ

Р.С. МЕЛЬНИК,

д.ю.н., профессор,
директор Научной школы ад-
министративного и немецкого
права Университета КАЗГЮУ
имени М.С. Нарикбаева
(г. Астана, Казахстан),
e-mail: r_melnik@kazguu.kz,
r.melnik@ukr.net

В практике судопроизводства имеют место тенденции, связанные со злоупотреблением правом на судебную защиту, что приводит к снижению эффективности деятельности судов. В связи с этим в государстве должны существовать различные материальные и процессуальные «фильтры», позволяющие блокировать подобные негативные тенденции. **Целью** статьи является анализ международного и национального права, а также юридической доктрины в части определения легитимных ограничений права на судебную защиту в сфере административного судопроизводства. **Научная новизна** статьи заключается в том, что до сегодняшнего дня в национальной юридической науке вопрос о допустимости ограничения права на доступ к административному судопроизводству еще не поднимался и системно не исследовался. При написании статьи использованы общенаучные и частно-научные **методы исследования** норм права и доктринальных положений, касающихся права на судебную защиту. **Объектом исследования** выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере реализации конституционного права частных лиц на судебную защиту. **Предметом** исследования выступают

нормы и положения, международного, конституционного, административного и административно-процессуального права, направленные на обеспечение и реализацию названного конституционного права в сфере административного судопроизводства. **Краткие выводы:** 1) право на судебную защиту прав, свобод и законных интересов не является абсолютным; 2) данное право может поддаваться легитимным ограничениям со стороны государства; 3) существуют различные виды ограничений права на судебную защиту, среди которых допустимо выделять материально-правовые ограничения; 4) частное лицо может претендовать на судебную защиту: если существует объективная необходимость правовой защиты; при условии избрания надлежащего способа правовой защиты; наличия нарушения субъективного публичного права; 5) недопустимым предметом обжалования в порядке административного судопроизводства следует считать политическое решения.

Ключевые слова: право на судебную защиту, Конституция, основные (конституционные) права, административное судопроизводство, субъективное публичное право, политическое решение.

Введение

В последние годы Казахстан демонстрирует весьма значительные достижения в различных сферах государственной жизни, сопровождающиеся принятием как новых нормативных правовых актов, так и началом функционирования новых институтов. В этой части особенного внимания заслуживает Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан и основанная на нем активная деятельность административных судов. Первые результаты функционирования административной юстиции впечатляют и вдохновляют, однако это не исключает существования сложных, нерешенных в этой сфере вопросов и проблем, о некоторых из которых мы хотели бы поговорить в рамках данной статьи.

Основные положения

Конституция Республики Казахстан гарантирует частным лицам достаточно большой перечень прав и свобод. Часть из этих прав известны, скажем так, достаточно давно. При этом отдельные права – «молоды». Они получили свое полное закрепление и содержательное наполнение лишь после приобретения Республикой независимости и выбора в качестве вектора своего дальнейшего развития демократической и правовой государственности. Одним из таких прав выступает право на судебную защиту своих прав и свобод (пункт 2 статьи 13).

При всей, казалось бы, простоте понимания содержания данного права становится очевидным, что оно (право) требует более детального и глубокого изучения, в частности, в аспекте потенциальных возможностей его ограничения государством в сфере административной юстиции. Данной проблематике и будет посвящена эта статья.

Материалы и методы

В статье анализируется современное международное (европейское), украинское и казахстанское право, а также судебная практика судов различных уровней и юрисдикций в части оценки допустимости и условий ограничения права на судебную защиту в сфере административного судопроизводства. Исследование проведено на основе анализа соответствующей юридической литературы, решений органов судебной власти с использованием широкого набора методов исследований.

Результаты исследования

1. Преамбула Конституции и ее значение для правоприменения

Базовым и при этом определяющим нормативным правовым актом в государстве, как известно, выступает Конституция. При этом, однако, часто упускается из виду, что и в самой Конституции можно найти отдельные нормы (положения), которые определенным образом доминируют по отношению к иным ее предписаниям. В данном случае речь идет о тех из них, которые получили свое закрепление на уровне Преамбулы.

Преамбула Конституции, несмотря на существование достаточно противоречивых позиций по вопросу о ее правовом значении и нормативном/ненормативном характере,¹ содержит в себе, как минимум, политико-правовые ориентиры для го-

¹Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник. М: Белые альфы, 1996. – 400 с.; Государственное право Германии: сокращенный перевод немецкого семитомного издания. М: Институт государства и права РАН, 1994. Т. 1. С. 312.

сударственного устройства, взаимоотношений личности и власти, а также стратегических векторов развития общества и государства. Кроме того, на наш взгляд, который согласовывается, например, с практикой Федерального конституционного суда Германии,² Преамбула может иметь принципиальное значение для толкования норм Конституции. В данном случае допустимо говорить о «преамбуло-конформном» толковании Основного закона, т.е. таком, при котором поиск содержания нормы Конституции будет осуществляться сквозь призму положения Преамбулы.

Переходя к анализу Преамбулы Конституции РК, хотелось бы обратить внимание на ту ее часть, где закреплено стремление Казахстана «занять достойное место в мировом сообществе», что, очевидно, может быть достигнуто лишь посредством ориентации на мировые стандарты, прежде всего, в части признания и гарантирования основных прав человека. Именно этот аспект выступает определяющим и центральным для любого правового государства. Это позволяет говорить об универсальности основных прав человека как о правовой категории, которая означает, что данные права одинаковы для конституционного строя любого государства; каждый человек является их носителем и каждому они принадлежат в равной мере.³

2. Основные (конституционные) права как ограничиваемая ценность

Основные (конституционные) права – безусловная правовая ценность; выступают непосредственно действующим правом;⁴ связывают все ветви власти и закладывают основные векторы их функционирования. По этому поводу ФКС Германии пишет: «Они (права) действуют не только в отдельных областях при исполнении определенных вариантов осуществления государственной власти, но связывают государственную власть широко и всецело».⁵ Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Вместе с этим, на фоне такого всеобъемлющего значения основных прав, которое признано как на уровне международных организаций самого высокого уровня (ООН, ОБСЕ, Совет Европы и т.д.), так и на уровне международных судов, сформировалась четкая и однозначная позиция, связанная с тем, что *не существует абсолютных прав человека* (за исключением права человеческого достоинства. Человеческое достоинство – неотчуждаемая, объективная и универсальная ценность.

²См.: Швабе Ю., Гайслер Т. Избранные решения Федерального конституционного суда Германии. М.: Инфотропик-медиа, 2018. – 907 с.

³Основні права людини: німецько-український правовий вимір: монографія / за ред. Мельника Р.С. Одеса: Видавничий дім «Гельветика», 2022. С. 13, 15-16.

⁴Michael L., Morlok M. Grundrechte. 7. Auflage. Nomos, 2019. S. 242.

⁵См.: Швабе Ю., Гайслер Т. Указ. соч. С. 30.

Эта ценность ценностей выступает источником всех прав человека – личных, социальных, коллективных.⁶ Это право абсолютно⁷), т.е. такое, которое не может быть ограничено государством.⁸

Таким образом, практика ограничения (не путать с нарушением) основных прав, в целом, допустима и, в известной мере, распространена на практике. При этом важным является безусловное соблюдение необходимых условий их ограничения, которые представляют собой важнейшую гарантию для человека и гражданина; они блокируют возможность нивелирования сути основных прав и превращение их в правовую фикцию.

Сформулированные позиции в равной мере применимы и в отношении *права на судебную защиту*, гарантированного пунктом 2 статьи 13 Конституции РК. В этой части еще раз подчеркнем, что данное право не является абсолютным⁹ и может быть ограничено государством при соблюдении необходимых (обязательных) требований.¹⁰ Остановимся на данном вопросе более детально.

3. Позиция Европейского суда по правам человека в части допустимости ограничения права на судебную защиту

Частью 1 статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод¹¹ каждому гарантировано право на справедливое судебное разбирательство, которое включает в себя право доступа к суду (право на судебную защиту или право на суд), которое, как уже было сказано выше, ограничивается (может ограничиваться) государством. Подобное обстоятельство обусловило существование достаточно большого количества дел¹², в которых ЕСПЧ давал оценку введенным государствами ограничениям в части границ пользования данным правом.

В этой части Судом было сформулировано положение, что в отдельных случаях государство может ограничить право лиц на доступ к суду (право на судебную защиту), поскольку это право требует государственного регулирования, которое может зависеть от обстоятельств времени, места, потребностей и ресурсов общества, а также от-

⁶Людська гідність: що ми розуміємо під «гідністю», «людиною» та «людською гідністю» // Матеріали міжнародного науково-практичного семінару «Людська гідність у праві Німеччини, Польщі та України», за фінансової підтримки міністерства закордонних справ Федеративної республіки Німеччина; Центр німецького права Київського національного університету імені Тараса Шевченка; ГО «Українсько-німецький правознавчий діалог» (Київ, 10 - 11 жовтня 2016) / відпов. ред. Б. Шлоер. Харків: В деле, 2017. С. 114.

⁷Там же. С. 18, 50, 100.

⁸Основні права людини: німецько-український правовий вимір: монографія / за ред. Мельника Р.С. Одеса: Видавничий дім «Гельветика». 2022. С. 229-230, 240.

⁹Фулей Т. І. Застосування практики Європейського суду з прав людини в адміністративному судочинстві: Науково-методичний посібник для суддів. 2-ге вид. випр., допов. К., 2015. С. 36.

¹⁰Цувіна Т. Право на доступи до суду: підхід ЄСПЛ // Підприємництво, господарство і право. № 4, 2020. С. 61.

¹¹Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года (измененная и дополненная Протоколами № 11 и № 14, вступившими в силу 01.06.2010) // URL: <https://www.coe.int/tu/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols> (09.11.2022).

¹²Stubbings and Others v. the United Kingdom, 22 October 1996, § 51-52, Reports of Judgments and Decisions 1996-IV; Tolstoy Miloslavsky v. the United Kingdom, 13 July 1995, § 62-67, Series A no. 316-B.

дельных лиц.¹³ Подобной позиции касательно законодательного регулирования реализации данного права придерживается и Конституционный Совет РК.¹⁴ Получается, что данное право не только не абсолютно, но и не стабильно в своих содержательных границах. При подобном подходе к правовому регулированию, с учетом достаточно высокого уровня его «подвижности», должен быть предусмотрен некий предупредительный механизм, при помощи которого частные лица могут быть защищены от потенциальных злоупотреблений со стороны государства. С этой целью ЕСПЧ разработана теория легитимности ограничений, которая сводится к следующему.

Для оценки легитимности ограничений данного права ЕСПЧ на первом этапе выясняет, было ли такое **ограничение предусмотрено законом**, то есть проверяет ограничения на соответствие принципу правовой определенности. Для дальнейшего анализа легитимности ограничений, установленных в законе, используется тест на пропорциональность, состоящий из следующих этапов:

1) установление цели ограничения права на доступ к суду и определение того, была ли она легитимной;

2) выяснение, какие средства были использованы для соответствующего ограничения права на доступ к суду, а также были ли они минимально обременительными и необходимыми в демократическом обществе;

3) определение того, существовало ли разумное и пропорциональное соотношение между принятыми мерами и поставленной целью;

4) выяснение того, не противоречит ли рассматриваемое ограничение самой сущности права, которое гарантируется, ведь лицо не может быть вообще лишено права на судебную защиту вследствие ограничения, вместо этого всегда должны оставаться альтернативные способы защиты нарушенных, непризнанных или обжалуемых прав, свобод и интересов, если рассмотрение определенных дел исключено из юрисдикции судебных органов.¹⁵

Таким образом, все ограничения права на судебную защиту могут быть разделены на **легитимные**, то есть те, которые соответствуют изложенным выше требованиям/условиям (например, установление обязательного досудебного обжалования административного акта, соблюдение требований юрисдикции и подсудности, введение сроков исковой давности, обязанность оплатить судебный сбор и т.п.), и **нелегитимные**, – представляющие собой недопустимые, с точки зрения конвенционных правил, действия (решения) государства (например, запрет обращения в суд для представителей отдельных этнических групп, неоправданно высокий размер судебного сбора, запрет доступа общественности в зал судебных заседаний, установление чрезмерных и бесосновательных требований по процессуальным вопросам, непринятие судом окончательного процессуального решения по делу¹⁶ и т.п.).

¹³Ashingdane v. the United Kingdom, 28 May 1985, § 57, Series A № 93.

¹⁴См.: Об официальном толковании пункта 2 статьи 13, пункта 1 статьи 14, пункта 2 статьи 76 Конституции Республики Казахстан: Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 29 марта 1999 года № 7/2 // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/S990000007_#z0 (09.11.2022).

¹⁵Цувіна Т. Указ. соч. С. 61.

¹⁶«Балацкий против Украины» (Balatskyu v. Ukraine), заявление № 34786/03, Решение от 25.10.2007 г.

4. Отдельные легитимные случаи / сферы ограничения права на судебную защиту в сфере административного судопроизводства

Легитимные ограничения права на судебную защиту, по мнению отдельных авторов, могут быть обусловлены различными обстоятельствами / причинами, что позволяет говорить об их следующих видах: субъективных, юрисдикционных, темпоральных, процедурных и финансовых.¹⁷ Однако, на наш взгляд, дополнительно возможно говорить и о *материально-правовых ограничениях* права на судебную защиту, т.е. тех, которые обусловлены (определены) в нормах материального права. Остановимся на таких ограничениях более подробно.

5. Система материально-правовых ограничений права на судебную защиту

Согласно части 2 статьи 5 АППК РК, задачей административного судопроизводства является справедливое, беспристрастное и своевременное разрешение административных дел с целью 1) *эффективной защиты и восстановления 2) нарушенных или оспариваемых прав*, свобод и законных интересов физических лиц, прав и законных интересов юридических лиц в 3) *публично-правовых отношениях*.¹⁸ Выделенные и пронумерованные нами словосочетания представляют собой ориентир не только для понимания назначения АППК РК, но и для определения границ осуществления административного судопроизводства. За рамками задач АППК не может осуществляться данный вид правоприменительной деятельности.

5.1. Необходимость правовой защиты как предпосылка эффективной защиты и восстановления нарушенных или оспариваемых прав

Базовой (первой) задачей административного судопроизводства, согласно части 2 статьи 5 АППК, называется *эффективная защита и восстановление* нарушенных или оспариваемых прав, что может иметь место изначально только в том случае, если носитель того или иного права действительно нуждается в такой (судебной) защите и/или его восстановлении. Невозможно эффективно защитить и восстановить право, если в этом, в принципе, нет необходимости. Открытый при таких обстоятельствах процесс никогда не достигнет названной задачи, а значит он и не должен быть начат. Иными словами, нелогично и затратно как для суда (и судебной системы в целом), так и для потенциального истца, а также ответчика, начинать процесс защиты права, если в этом нет реальной необходимости. Очевидно, что подача таких «непригодных» исков может привести к огромному количеству негативных последствий, а именно чрезмерной и неоправданной загруженности административных судов и блокированию функционирования административных органов, поскольку, по общему правилу, подача иска приостанавливает реализацию принятого решения.

На подобной позиции пребывают, в частности, зарубежные юристы, в том числе, и судьи. Немецкие коллеги пишут, что необходимость (потребность) в правовой защите отсутствует в тех случаях, когда истец может достигнуть поставленной перед собой цели иными способами, причем быстрее, лучше и дешевле.

¹⁷Цувіна Т. Указ. соч. С. 62.

¹⁸Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан // Ведомости Парламента РК. № 13, 2020 г. Ст. 66.

«Никто не должен иметь возможность, злоупотребляя своими процессуальными правами, подавать иск с неприемлемыми целями или исключительно для выяснения теоретических спорных вопросов». ¹⁹ Иными словами, здесь речь идет о блокировании подачи беспредметных исков, которые направляются на «защиту» права, которое заведомо не нуждается в правовой охране при участии суда.

К слову, запрет злоупотребления процессуальными правами содержится и в АППК (ч. 3 ст. 127), и в ГПК РК²⁰ (ч. 1 ст. 46), что позволяет национальным судам таким же образом реагировать на подобные ситуации, а особенно те, в рамках которых становится очевидным, что истец совершает явно умышленные действия, направленные на затягивание/блокирование соответствующих процедур (действий, решений) или поднимает вопросы, не имеющие юридического значения.

Аналогичная точка зрения достаточно четко закрепились и в практике украинских административных судов. Так, Я. Берзанюк, судья Кассационного административного суда в составе Верховного Суда, пишет, что не подлежат судебному рассмотрению иски, в которых истец избрал неэффективный (преждевременный) способ защиты при наличии альтернативного эффективного способа защиты.²¹ На наш взгляд, эффективность альтернативного способа защиты подразумевает то, что он выступает более простым (менее формализованным) в сравнении с судебной защитой; более оперативен; в меньшей степени обременяет как иных лиц (ответчика), так и суд; позволяет подвергнуть проверке более широкий круг вопросов в сравнении с судебной проверкой.

При этом, однако, необходимо помнить о том, что более быстрое и дешевое средство правовой защиты устраняет законную заинтересованность в возбуждении иска только в том случае, если оно может, по крайней мере, обеспечить достижение всех необходимых целей правовой защиты с сопоставимой (в сравнении с судебным процессом) достоверностью или эффективностью.²²

Высказанные соображения имеют принципиальное значение для корректировки ситуации, которая сложилась в сфере обжалования действий и / или решений частных судебных исполнителей. Как показывает статистика, иски к частным судебным исполнителям составляют абсолютное большинство среди дел иных категорий, рассматриваемых по правилам административного судопроизводства.²³ В первую очередь должники предпринимают процессуальные попытки обжаловать в административных судах любые, даже самые незначительные процедурные дей-

¹⁹Адміністративний процес: загальна частина (Федеративна Республіка Німеччина, Україна): Навчально-практичний посібник / Манн Томас, Мельник Роман, Бевзенко Володимир, Комзюк Анатолій; пер. та адапт. з нім. Мельника Романа; за заг. ред. Бевзенка Володимира. К.: Алерта, 2013. С. 43.

²⁰Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 377-V ЗРК // Ведомости Парламента РК 2015 г., № 20-VI, ст. 114 (с изменениями и дополнениями).

²¹Берзанюк Я. Про позови, які не підлягають судовому розгляду, 2019 // URL: <http://kdkako.com.ua/pro-pozovi-yaki-ne-pidlyagayut-sudovomu-rozglyadu/> (08.11.2022).

²²Rechtsschutzbedürfnis // URL: <https://www.ipwiki.de/verfahrensrecht:rechtsschutzbeduerfnis> (10.11.2022).

²³Так, согласно информации, полученной в СМАС г. Астаны за 10 месяцев 2022 г. иски, связанные с обжалованием решений (действий) судебных исполнителей, составили 34,6% в общей массе административных исков.

ствия судебных исполнителей, что приводит к большому количеству негативных последствий, и, в том числе, к затягиванию исполнения решений судов, вступивших в законную силу.

По данному вопросу ведутся достаточно активные дискуссии как на уровне Верховного Суда РК, так и органов исполнительной власти, а также Республиканской палаты частных судебных исполнителей. В качестве одного из способов решения сложившейся проблемы предлагается закрепить в нормативном порядке виды решений (действий) судебных исполнителей, подлежащих и неподлежащих судебному обжалованию. Такой подход, на наш взгляд, является непродуктивным. В случае его реализации необходимо будет готовиться к тому, чтобы по всем нормативным правовым актом, положенным в основу административно-правовых отношений, составлять подобные «списки». С чем, конечно же, невозможно согласиться и очень проблематично реализовать.

Возвращаясь к ситуации с обжалованием решений (действий) частных судебных исполнителей и воспользовавшись сформулированными выше положениями, следует обратить внимание на тот факт, что у участников исполнительного производства, согласно Закону РК «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей»²⁴ (далее – Закон), *есть несколько альтернативных и эффективных способов* восстановления нарушенного или оспариваемого права, а именно, обратиться с жалобой на решение (действие) судебного исполнителя в:

- прокуратуру, согласно ст. ст. 25, ч. 4 ст. 54, ч. 2 ст. 101 Закона;
- экспертный совет, согласно ч. 3 ст. 68 Закона;
- в уполномоченный орган и его территориальные органы, согласно ст. 133 Закона;
- Республиканскую и региональные палаты частных судебных исполнителей, согласно ч. 2 ст. 155, 162, 163-1 Закона.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что суды (судьи) могут/должны давать оценку тому, есть ли у истцов по таким делам возможность альтернативного (вне-судебного) решения спора, даже в ситуации, когда законодательство не требует обязательного досудебного обжалования решения (действия) судебного исполнителя. «Отработка» такой возможности может быть осуществлена судом, в частности, и в рамках предварительного слушания по делу.

Для усиления реальности и обоснованности сформулированного нами предложения хотелось бы обратить внимание на некоторые примеры из судебной практики казахстанских административных судов, которые находятся именно в такой плоскости. Так, в рамках предварительного слушания по административному делу, связанному с оспариванием приказа о включении в реестр недобросовестных участников государственных закупок в связи с неподписанием договора, суд разъяснил истцу право на обращение в согласительную комиссию, которым он воспользовался (обязательность досудебного обжалования по данной категории дел в законе не установлена). Решение комиссии его полностью удовлетворило, что сняло с повестки дня рассмотрение данного дела в рамках судебного процесса.²⁵

²⁴Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей: Закон Республики Казахстан от 2 апреля 2010 года № 261-IV // Ведомости Парламента РК, 2010 г., № 7 (2560), ст. 27 (с изменениями и дополнениями).

²⁵Юсупова Г. Рассмотрение дел об оспаривании приказов о включении в реестр недобросовестных участников государственных закупок в связи с неподписанием договора // Zanger. № 8, 2022. С. 25-26.

В качестве промежуточного вывода отметим, что к соблюдению данного требования суды конечно же не должны предъявлять завышенные требования. В сложных и неоднозначных ситуациях, требующих проверки, необходимо презюмировать наличие у истца необходимости в правовой защите. Поэтому требуются особые причины, которые в исключительных случаях оправдывают отказ суда в такой защите. Но, при этом, суд (судьи) должны помнить, что такое право у них есть и они им в необходимых случаях могут/должны воспользоваться.

5.2. Надлежащий способ правовой защиты как предпосылка эффективности административного судопроизводства

Защита и восстановление нарушенных или оспариваемых прав могут быть эффективными только в том случае, если истец избрал для этого надлежащий способ правовой защиты. Использование для этих целей неправовых и/или искусственных инструментов ни при каких условиях не позволит решить сформулированную задачу. Поступление в суд исков, в которых избраны такие способы защиты, должно приводить к вынесению определения об их возвращении. Особенностью таких дел, по мнению судей, выступает то, что их целью может быть открытие производства по делу для приостановления рассмотрения иного, основного спора²⁶ или достижения иных, неправовых (искаженных) материальных или процессуальных целей.

Подобные споры нашли достаточно большое распространение в Украине, что привело к необходимости формулирования Большой Палатой Верховного Суда обобщенной позиции по этому поводу. Так, в одном из своих решений Большая Палата сформулировала следующие выводы: «согласно предписаниям Закона Украины «О судоустройстве и статусе судей» и ГПК Украины, соблюдение требований процессуального закона входит в обязанности суда при осуществлении правосудия по конкретному делу; законы Украины не предусматривают возможности рассмотрения в суде исковых требований о признании незаконными действий/бездействия другого суда после получения последним искового заявления и определения состава суда для его рассмотрения, поскольку такие действия/бездействие связаны с рассмотрением судебного дела даже после его завершения; разрешение в суде спора по такому исковому требованию будет вмешательством в осуществление правосудия другим судом; совершение (несовершение) судьей (судом) процессуальных действий при рассмотрении конкретного дела, а также принятые в нем решения могут быть обжалованы в суд высшей инстанции в порядке, предусмотренном процессуальным законом для того дела, при рассмотрении которого они были совершены (должны быть совершены) или приняты; обжалование совершения (несовершения) судом (судьей) в соответствующем деле процессуальных действий и принятых в нем решений не может происходить путем инициирования нового судебного процесса против суда (судьи)».²⁷

Ненадлежащим способом правовой защиты в рамках административного судопроизводства, на мой взгляд, стоит признать и подачу административного органа иска к иному административному органу с требованием установления наличия/отсутствия компетенции по тому или иному вопросу. Компетенционные споры не

²⁶Берзанюк Я. Указ. соч.

²⁷ Там же.

предусмотрены в АППК и, таким образом, административные суды не могут принимать к своему производству подобные дела.

5.3. Наличие нарушения субъективного публичного права

Одной из предпосылок допустимости административного иска выступает наличие нарушения субъективного публичного права у истца. Это требование вытекает, в частности, из п. 9 ч. 1 ст. 4 АППК, где сформулировано определение административного иска; в нем подчеркнуто, что иск представляет собой требование, поданное в суд с целью защиты и восстановления **нарушенных** (выделено мной – Р.М.) или оспариваемых прав, свобод или законных интересов, вытекающих из публично-правовых отношений. Подобный акцент можно встретить также и в определении истца (п. 33 ч. 1 ст. 4 АППК), а также в рамках формулировки задач административного судопроизводства (ч. 2 ст. 5 АППК). И это неокончательный список тех норм, в которых подчеркивается данное положение.

Подобной позиции придерживаются и украинские судьи, которые считают, что обязательным условием предоставления правовой защиты судом следует считать наличие соответствующего нарушения субъектом властных полномочий прав, свобод или интересов лица на момент обращения в суд. Нарушение должно быть реальным, касаться индивидуально выраженных прав или интересов лица, утверждающего об их нарушении.²⁸

Соответственно, перед открытием производства по административному делу судья должен убедиться, что при описанных истцом фактических обстоятельствах дела, могло произойти (или имело место) **ограничение** его прав. В данном случае следует особо подчеркнуть, что на этом этапе судебного процесса речь должна идти именно об установлении факта ограничения, а не нарушения права. Мы должны понимать, что ограниченное на основе закона и согласно закону право частного лица не может быть признано нарушенным; в этом случае необходимо будет говорить о допустимом (легальном) ограничении права. Вывод о допустимости/недопустимости ограничения права суд может сделать лишь по результатам рассмотрения дела. Поэтому на первоначальном этапе (при первичном изучении иска и поданных доказательств) суд может сформулировать позицию лишь в части наличия/отсутствия ограничения того или иного права, принадлежащего истцу. В этой части суд должен воздержаться от чрезмерной скрупулёзности в решении денного вопроса. Достаточно будет лишь обоснованного предположения о том, что при соответствующих фактических и юридических обстоятельствах ограничение субъективного публичного права могло произойти. «Небезосновательность» доводов истца о неправомерности вмешательства в реализацию его прав выступает условием реализации права на доступ к суду».²⁹

Определение наличия/отсутствия потенциального ограничения субъективного публичного права, если речь идет об обжаловании обременяющего административного акта, не представляется особенно сложным, поскольку такой акт всегда несет за собой определенные обременения, которые в большинстве случаев видимы и понятны. В крайнем случае, всегда можно обратиться к Конституции РК, которая содержит достаточно большой набор прав частного лица, в частности, право

²⁸См.: Постановление Верховного Суда Украины от 15 ноября 2016 г. по делу №800/301/16.

²⁹Golder v. the United Kingdom, 21 February 1975, Series A no. 18.

на личную свободу (пункт 1 ст. 16), которое защищает лицо от всех потенциально ограничительных мер, принимаемых по отношению к нему государством. Иными словами, обременяющий административный акт всегда будет «вмешиваться» в личную свободу человека и, таким образом, можно говорить о необходимости судебной защиты данного права.

Сложнее обстоит ситуация в тех случаях, когда лицо требует принятия благоприятного административного акта, утверждая, что у него есть соответствующее субъективное публичное право. Для установления (потенциального) наличия/отсутствия у истца такого права целесообразно воспользоваться критериями, разработанными в немецкой юридической литературе.³⁰ Некоторым образом уточняя и развивая существующий подход, можно сделать вывод, что **субъективное публичное право** возникает (имеет место) при одновременном существовании **трех обязательных условий**:

1) норма, содержащаяся в законе или другом нормативном правовом акте, указывает на обязанность или право административного органа содействовать частному лицу в реализации его права;

2) такое право служит удовлетворению не только общих, но и индивидуальных интересов частного лица. Наступивший эффект не должен быть лишь юридическим рефлексом (т.е. наступать в следствии достижения иной цели); он должен представлять собой целенаправленный результат действия нормы;

3) носитель такого права должен быть абстрактно определимым.

После установления наличия у потенциального истца соответствующего субъективного публичного права суд должен дать оценку того, **имело ли место его ограничение** со стороны административного органа. В этой части, на наш взгляд, допустимо воспользоваться разработанной в немецкой доктрине конституционного права схемой проверки ограничения конституционного права. В этой части различается классическое ограничение и современное (расширенное) определение ограничения прав.

Классическое (императивное) ограничение представляет собой общую (нормативный акт) или индивидуальную меру (административный акт) регулирования, которая преимущественно несет обременение их адресатам. Типичной (мерой) можно назвать «основанное на правовых формах действие», а именно, «немедленный и намеренный (окончательный) приказ или запрет (императивное действие), сформулированный государством, который при необходимости может быть реализован при помощи принуждения и который направлен на сокращение объема (содержания) основного права».³¹

Необходимость введения в юридический оборот современного (расширенного) ограничения основных прав была обусловлена тем, что на сегодняшний день инструментарий деятельности административных органов значительно расширился, и не всегда ограничения прав, вызываемые его применением, подпадают под его «классическое» определение. Согласно этому определению, ограничение означает любое поведение государства (административного органа), полностью или частично препятствующее лицу действовать в сфере, защищенной основным правом, не-

³⁰Maurer H. Allgemeines Verwaltungsrecht. München: Verlag C.H. Beck, 2004. S. 152.

³¹Основні права людини: німецько-український правовий вимір: монографія / за ред. Мельника Р.С. Одеса: Видавничий дім «Гельветика», 2022. С. 234.

зависимо от того, является ли этот эффект намеренным или непреднамеренным, прямым или косвенным, юридическим или фактическим, с применением принуждения или без такового. Достигнутый эффект должен быть связан с мерами, которые реализованы административным органом.³²

Проверка административным судом сквозь призму сформулированных определений фактических обстоятельств дела позволит ему сформулировать обоснованный вывод о наличии или отсутствии потенциально возможного нарушения административным органом субъективного публичного права истца.

5.4. Политические решения как недопустимый предмет обжалования в порядке административного судопроизводства

Особенность национального судопроизводства заключается в том, что суды призваны рассматривать и разрешать правовые споры, т.е. те, в основу которых положено применение/неприменение норм права. Наряду с этим отдельные общественные отношения, имеющие место в обществе и государстве, регулируются *политическими нормами*, которые, по общему мнению, не имеют никакой юридической силы, не применяются судами или другими государственными органами и служат лишь для описания путей осуществления политической власти.³³

Подобную позицию разделяют и немецкие авторы, в свою очередь, подчеркивая, что многие действительно политические вопросы не регулируются правом и, за неимением правового регулирования, не подлежат судебному контролю. Кроме того, вопросы «высокой политики», если они в целом и подлежат правовому регулированию, обычно регулируются посредством объективного права, которое, однако, не предусматривает субъективных прав частных лиц. Таким образом, возможные нарушения такого объективного права в любом случае не могут рассматриваться судом по инициативе гражданина, и не существует опасений относительно того, что юстиция ограничит свободу действий политической власти. Для предотвращения неопределенности в этой сфере, ненужных колебаний судебной практики и, как следствие, отказа в судебной защите прав, законодатель может исчерпывающим образом перечислить суверенные (политические) акты, не подлежащие судебному пересмотру (контролю), закрепив их в определенном списке, как это, например, было сделано в Литве.³⁴ Подобные предложения высказывались на различных публичных площадках и юристами из других стран, которые, в частности, предлагали четко (на нормативном уровне) определиться с тем, какие из полномочий Президента являются суверенно-политическими, а какие – управленческими, т.е. подлежащими контролю со стороны административных судов. Возможно, об этом стоит подумать и казахстанским юристам.

Однако, наряду с изложенным, все-таки более правильным и практически релевантным следует считать подход, связанный с выработкой *критериев разграничения политических и управленческих аспектов* в деятельности органов и должностных лиц, которые могут одновременно заниматься обоими видами деятельности

³²Там же. С. 235.

³³Усманова Р.М. Политические традиции и политические нормы: их роль в публичном регулировании общественных отношений // Юридические исследования. № 2. 2012. С. 25-48.

³⁴См.: Правова держава за допомогою адміністративного судочинства: Німеччина, Україна, Казахстан: збірник статей / за редакцією проф. Р. Мельника, проф. Г. Кюпера, д-ра А. Хіммельрайх. Одеса: Видавничий дім «Гельветика», 2021. С. 124.

и, как следствие, принимать как политические решения, так и административные акты. Ранее автором уже были сформулированы некоторые предложения в этой части,³⁵ которые, как минимум, могут заложить основу для поиска соответствующего решения.

Недопустимость обжалования в порядке административного судопроизводства политических решений поддерживается и ЕСПЧ³⁶, который, однако, при этом обращает внимание на то, что подобный «иммунитет» должен касаться исключительно вопросов, связанных с политической деятельностью, а не всех без исключения дел, в которых участвует политик³⁷.

Особым примером (результатом) политической деятельности следует признать подписание или неподписание Президентом Украины законов, принятых парламентом. В последнем случае речь идет о реализации Президентом Украины права вето. Важной в связи с изложенным представляется позиция Конституционного Суда Украины, который установил следующее: «Президент Украины осуществляет право вето в отношении принятого Верховной Радой Украины закона после получения его для подписания на соответствующей стадии законодательного процесса. Это конституционно-правовая форма участия Президента Украины в законодательном процессе. Подписание или возвращение закона на повторное рассмотрение Верховной Рады Украины – исключительное конституционное право Президента Украины. Конституция Украины не устанавливает оснований и мотивов, по которым Президент Украины может вернуть закон на повторное рассмотрение Верховной Рады Украины, а также требования содержания предложений главы государства к закону. Проверка содержания предложений Президента Украины к закону в случае его возвращения на повторное рассмотрение Верховной Рады Украины не отнесена к полномочиям Конституционного Суда Украины».³⁸ Таким образом, ни Конституционный Суд Украины, ни другие суды, в частности административные, не уполномочены осуществлять контроль за названной выше деятельностью Президента Украины, которая, как уже отмечалось выше, является политической, а не правовой.

При этом, однако, следует обратить внимание на тот факт, что политическая деятельность может порождать производные отношения административно-правовой природы, что подчеркнул Конституционный Суд Украины в одном из своих решений, указав следующее: «В частности, отставка Кабинета Министров Украины может быть следствием политической ответственности как результата принятия Верховной Радой Украины резолюции недоверия Кабинету Министров Украины, не имеющей признаков юридической ответственности... Вместе с тем, из факта прекращения полномочий указанных лиц могут возникать правоотношения, имеющие производный от политической ответственности характер. В случае возникновения

³⁵100 ответов на 100 вопросов по Общему административному праву: учеб. пособ. / под ред. Р.С. Мельника. Киев: Юринком Интер, 2017. С. 173-174.

³⁶Юрисдикция ЕСПЧ на сегодняшний день не распространяется на Казахстан.

³⁷Цувіна Т. Указ. соч. С. 63.

³⁸Рішення Конституційного Суду України у справі за конституційним поданням 73 народних депутатів України щодо відповідності Конституції України (конституційності) здійсненого Президентом України права вето стосовно прийнятого Верховною Радою України Закону України «Про внесення змін до статті 98 Конституції України» та пропозицій до нього (справа щодо права вето на закон про внесення змін до Конституції України) від 11 березня 2003 р. № 6-рп/2003 // Офіційний вісник України. № 16, 2003. Ст. 710.

спора о праве относительно них, названные лица не лишаются права на обжалование в суде отдельных положений указанных актов, в частности, изменения даты, формулировки оснований увольнения и т.д.».³⁹ Соответственно, такие производные отношения могут регулироваться нормами административного права и споры, вытекающие из них, могут относиться к юрисдикции административных судов.

Обсуждение

Представленные размышления и существующие проблемы (сложности) в части определения объема права на судебную защиту должны решаться, прежде всего, не на уровне доктрины административного права и административного процесса, а на уровне теории конституционного права. К сожалению, на сегодняшний день, мы не имеем глубоко проработанной доктрины конституционных прав человека и гражданина. Для большого количества юристов и теоретиков права соответствующий раздел Конституции продолжает нести в себе скорее идеологический, нежели практический характер. Нормы конституции, и прежде всего те из них, которые закрепляют права человека и гражданина, все еще не рассматриваются как непосредственно действующее право. В этой части остается надеяться, что созданный в Республике Конституционный Суд «вдохнет» новую жизнь в Конституцию и будет способствовать ее превращению в реально действующий нормативный правовой акт.

В части изложенного, на мой взгляд, Конституционный Суд должен будет обратить внимание и на некоторые системные противоречия, заложенные в текст Конституции РК и касающиеся темы данной статьи. В данном случае речь идет о части 3 статьи 39 Конституции РК, где закреплено, что ни в каких случаях не подлежит ограничению право на судебную защиту. Выше нами было продемонстрировано, что названное конституционное право в действительности может быть ограничено и что такие ограничения являются необходимыми и допустимыми. Получается, что Конституция РК провозглашает идею (закрепляет положение), которое является практически нерелевантным. На мой взгляд, подобные противоречия оказывают негативное воздействие на восприятие Конституции участниками правоотношений, которые видят, что ее отдельные положения не соответствуют действительности. Эта ситуация должна быть изменена. Законодатель, вместе с Конституционным Судом, должен подумать об уточнении норм Конституции РК, касающихся условий и порядка ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Заключение

Проанализированные выше ограничения права на судебную защиту в полной мере соответствуют условиям их легитимности, которые были сформулированы как в рамках практики ЕСПЧ, так и в рамках судебной практики в отдельных странах. Поэтому сформулированные нами позиции и рекомендации не должны восприниматься в качестве угрозы для конституционного права на судебную защиту, гарантированного пунктом 2 ст. 13 Конституции РК. В этой части имеет место совершенно иная ситуация, связанная с тем, что «освобождение» административных

³⁹Рішення Конституційного Суду України у справі за конституційним поданням Президента України щодо офіційного тлумачення положень частин другої, третьої статті 124 Конституції України (справа щодо підвідомчості актів про призначення або звільнення посадових осіб) від 7 травня 2002 р. № 8-рп/2002 // Офіційний вісник України. № 20, 2002. Ст. 993.

судов от необходимости рассмотрения дел, которые не должны по определению рассматриваться по правилам АППК, существенным образом снизило бы нагрузку на судей, и позволило бы им более основательно и без лишней спешки рассматривать те дела, которые в полной мере, а не только «по касательной» относятся к юрисдикции административных судов.

Р.С. Мельник, з.ғ.д., профессор, М.С. Нәрікбаев атындағы КАЗГЮУ Университетінің Әкімшілік және неміс құқығы ғылыми мектебінің жетекшісі (Астана, Қазақстан): Сот арқылы қорғау құқығы және әкімшілік сот ісін жүргізу: Қазақстан Республикасының Конституциясы мен еуропа құқықтық стандарттары тұрғысынан көзқарас

Сот ісін жүргізу тәжірибесінде сотпен қорғалу құқығының теріс пайдалану үрдісі орын алған. Бұл, өз алдына, соттар жұмысының тиімділігін төмендетеді. Осыған байланысты, мемлекетте аталған теріс үрдістерді бұғаттайтын әртүрлі материалдық және процестік «фильтрлер» болуы қажет. Мақаланың *мақсаты* – әкімшілік сот ісін жүргізу аясында сотпен қорғалу құқығын легитимді шектеулерін анықтау бойынша құқықтық доктриналар мен халықаралық және ұлттық заңнамаға анализ жасау. *Ғылыми жаңашылдығы*: осы күнге дейін ұлттық құқық ғылымында әкімшілік сот ісіне қатысу құқығын шектеу мүмкіндігі туралы мәселе көтерілмеген және жүйелі зерттелмеген. Мақаланы жазу барысында сотпен қорғалу құқығына қатысты құқықтың және доктриналық ережелердің жалпы ғылыми және жеке ғылыми *зерттеу әдістері* қолданылды. *Зерттеу объектісі* – жеке тұлғалар құқығының сотпен қорғалу конституциялық құқығын жүзеге асыру аясында қалыптасатын қоғамдық қатынастар. Зерттеу пәні – аталған әкімшілік сот ісі аясындағы конституциялық құқықты қаматасыз етуге және жүзеге асыруға бағытталған халықаралық, конституциялық, әкімшілік және әкімшілік процестік заңнаманың нормалары мен ережелері. *Қысқаша түйіндер*: 1) Құқықтардың, еркіндіктер мен заңды мүдделердің сотпен қорғалу құқығы абсолютті болып табылмайды; 2) Аталған құқықтың мемлекет тарапынан легитимді шектеулеріне жол берілуі керек; 3) Сотпен қорғалу құқығын шектеудің көп түрлері бар, солардың ішінде материалдық құқық шектеулерін атап өтуге болады; 4) Егер: құқықтық қорғалудың объективті қажеттілігі болса; құқықтық қорғаудың тиісті тәсілін таңдаған кезде; субъективті жария құқықтың бұзылған болса, жеке тұлға өз құқықтарының сотпен қорғалуына талаптана алады; 5) Саяси шешімдерге әкімшілік сот ісін жүргізу тәртібімен шағым түсіруге жол берілмейді.

Тірек сөздер: *сотпен қорғалу құқығы, Конституция, негізгі (конституциялық құқық), әкімшілік сот ісін жүргізу, субъективті жария құқық, саяси шешім.*

R.S. Melnyk, Doctor in Jurisprudence, Professor, head of Scientific School of Administrative and German Law of M. Narikbayev KAZGUU University (Astana, Kazakhstan): Right to effective judicial protection and administrative proceedings: look through the prism of the Constitution of the Republic of Kazakhstan and European legal standards.

The practice of legal proceedings has tendencies associated with the abuse of the right to effective judicial protection, which leads to a decrease in the courts efficiency. In this regard, the state should have various material and procedural «filters» that allow blocking such negative tendencies. *The purpose* of the article is to analyze international and national legislation, as well as legal doctrine in terms of determining legitimate restrictions on

the right to effective judicial protection in the field of administrative proceedings. *The scientific novelty* of the article is the fact that the issue of the admissibility of restricting the right to access to administrative proceedings has not been raised and systematically studied until the present day in the national legal science. The author while writing the article used general and special scientific *research methods* to study the norms of law and doctrinal provisions related to the right to effective judicial protection. *The object* of the research is social relations that are being formed in the sphere of the implementation of the constitutional right of individuals to effective judicial protection of their rights. The subject matter of the research is the norms and regulations of international, constitutional, administrative, administrative and procedural legislation aimed at ensuring and exercising the indicated constitutional right in the field of administrative proceedings. *Brief conclusions:* 1) the right to effective judicial protection of rights, freedoms and legitimate interests is not absolute; 2) this right may be subject to legitimate restrictions by the state; 3) there are various types of restrictions on the right to effective judicial protection, where it is admissible to single out substantive restrictions; 4) an individual may apply for judicial protection of his / her rights if there is an objective need for legal protection; if appropriate method of legal protection is selected; if there is violation of subjective public law; 5) political decision is inadmissible subject matter of appeal within administrative proceedings.

Keywords: the right to effective judicial protection, the Constitution, basic (constitutional) rights, administrative proceedings, subjective public law, political decision.

Список литературы:

1. Берзанюк Я. Про позови, які не підлягають судовому розгляду, 2019 // URL: <http://kdkako.com.ua/pro-pozovi-yaki-ne-pidlyagayut-sudovomu-rozglyadu/>.
2. «Балацкий против Украины» от 25.10.2007 г. (Balatskyu v. Ukraine), заявление № 34786/03.
3. Государственное право Германии: сокращенный перевод немецкого семитомного издания. М.: Институт государства и права РАН, 1994. Т. 1. – 312 с.
4. Людська гідність: що ми розуміємо під «гідністю», «людиною» та «людською гідністю» // Матеріали міжнародного науково-практичного семінару «Людська гідність у праві Німеччини, Польщі та України», за фінансової підтримки міністерства закордонних справ Федеративної республіки Німеччина; Центр німецького права Київського національного університету імені Тараса Шевченка; ГО «Українсько-німецький правознавчий діалог» (Київ, 10 – 11 жовтня 2016) / відпов. ред. Б. Шлоер. Харків: В деле, 2017.
5. Адміністративний процес: загальна частина (Федеративна Республіка Німеччина, Україна): Навчально-практичний посібник / Манн Томас, Мельник Роман, Бевзенко Володимир, Комзюк Анатолій; пер. та адапт. з нім. Мельника Романа; за заг. ред. Бевзенка Володимира. К.: Алерта, 2013. – 308 с.
6. Основні права людини: німецько-український правовий вимір: монографія / за ред. Мельника Р.С. Одеса: Видавничий дім «Гельветика», 2022. – 404 с.
7. Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник. М.: Белые альвы, 1996. – 400 с.
8. Усманова Р.М. Политические традиции и политические нормы: их роль в публичном регулировании общественных отношений // Юридические исследования. № 2. 2012. – С. 25-48.

9. Фулей Т.І. Застосування практики Європейського суду з прав людини в адміністративному судочинстві: Науково-методичний посібник для суддів. 2-ге вид. випр., допов. К.: 2015. – 36 с.
10. Цувіна Т. Право на доступі до суду: підхід ЄСПЛ // Підприємництво, господарство і право. № 4, 2020. – С. 61-63.
11. Швабе Ю., Гайслер Т. Избранные решения Федерального конституционного суда Германии. М.: Инфотропик-медиа, 2018. – 1028 с.
12. Юсупова Г. Рассмотрение дел об оспаривании приказов о включении в реестр недобросовестных участников государственных закупок в связи с неподписанием договора // Zanger. № 8, 2022. – С. 25-26.
13. 100 ответов на 100 вопросов по Общему административному праву: учеб. пособ. / под ред. Р.С. Мельника. Киев: Юринком Интер, 2017.
14. Maurer H. Allgemeines Verwaltungsrecht. München: Verlag C.H. Beck, 2004.
15. Michael L., Morlok M. Grundrechte. 7. Auflage. Nomos, 2019.

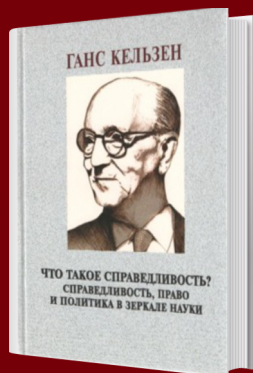
References (transliterated):

1. Berzanyuk Ya. Pro pozovi, yaki ne pidlyagayut' sudovomu rozglyadu, 2019 // URL: <http://kdkako.com.ua/pro-pozovi-yaki-ne-pidlyagayut-sudovomu-rozglyadu/>.
2. «Balackij protiv Ukrainy» ot 25.10. 2007 r. (Balatsky v. Ukraine), zayavlenie № 34786/03.
3. Gosudarstvennoe pravo Germanii: sokrashchennyj perevod nemeckogo semitomnogo izdaniya. M.: Institut gosudarstva i prava RAN, 1994. T. 1. – 312 s.
4. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Respubliki Kazahstan: Kodeks Respubliki Kazahstan ot 31 oktyabrya 2015 goda № 377-V ZRK // Vedomosti Parlamenta RK 2015 g., № 20-VI, ct. 114 (s izmeneniyami i dopolneniyami).
5. Administratyvnyi protses: zahalna chastyna (Federatyvna Respublika Nimechchyna, Ukraina): Navchalno-praktychnyi posibnyk / Mann Tomas, Melnyk Roman, Bevzenko Volodymyr, Komziuk Anatolii; per. ta adapt. z nim. Melnyka Romana; za zah. red. Bevzenka Volodymyra. K.: Alerta, 2013. – 308 s.
6. Osnovni prava liudyny: nimetsko-ukrainskyi pravovyi vymir: monohrafiia / za red. Melnyka R.S. Odesa: Vydavnychiy dim «Helvetyka», 2022. – 404 s.
7. Mishin A.A. Konstitucionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnyh stran: Uchebnik. M.: Belye al'vy, 1996. – 400 s.
8. Usmanova R.M. Politicheskie tradicii i politicheskie normy: ih rol' v publichnom regulirovanii obshchestvennyh otnoshenij // Yuridicheskie issledovaniya. № 2. 2012. – S. 25-48.
9. Fulei T.I. Zastosuvannia praktyky Yevropeiskoho sudu z prav liudyny v administratyvnomu sudochnystvi: Naukovo-metodychnyi posibnyk dlia suddiv. 2-he vyd. vypr., dopov. K.: 2015 – 36 s.
10. Tsvivina T. Pravo na dostupi do sudu: pidkhyd YeSPL // Pidpriemnytstvo, gospodarstvo i pravo. № 4, 2020. – S. 61-63.
11. Shvabe Yu., Gajsler T. Izbrannye resheniya Federal'nogo konstitucionnogo suda Germanii. M.: Infotropik-media, 2018. – 1028 s.
12. Yusupova G. Rassmotrenie del ob osparivanii prikazov o vkluchenii v reestr nedobrosovestnyh uchastnikov gosudarstvennyh zakupok v svyazi s nepodpisaniem dogovora // Zanger. № 8, 2022. – S. 25-26.
13. 100 otvetov na 100 voprosov po Obshchemu administrativnomu pravu: ucheb. posob. / pod red. R.S. Mel'nika. Kiev: Yurinkom Inter, 2017.

14. Maurer H. Allgemeines Verwaltungsrecht. München: Verlag C.H. Beck, 2004.
15. Michael L., Morlok M. Grundrechte. 7. Auflage. Nomos, 2019.

Для цитирования и библиографии: Мельник Р.С. Право на судебную защиту и административное судопроизводство: взгляд сквозь призму Конституции Республики Казахстан и европейских правовых стандартов // Право и государство. 2022. № 4(97). – С. 36-53. DOI: 10.51634/2307-5201_2022_4_36

Материал поступил в редакцию 09.12.2022.

НОВЫЕ КНИГИ

Ганс Кельзен. Что такое справедливость? Справедливость, право и политика в зеркале науки / Пер. с англ. – М.В. Антонов, А.Б. Дидикин, А.А. Краевский. Под общ. ред. М.В. Антонова. СПб.: Алеф-Пресс, 2023. – 440 с.

Hans Kelsen. What is justice? Justice, law, and politics in the mirror of science / Translated by M.V. Antonov, A.B. Didikin, A.A. Kravevsky. Edited by M.V. Antonov. Saint Petersburg: Alef-Press, 2023. – 440 p.

ISBN 978-5-905966-88-0

В этой книге, вышедшей в свет в 1957 году, Ганс Кельзен раскрывает свое видение соотношения права и идеологии. Особое внимание играли представления о справедливости. Автор критически оценивает попытки наделить эти представления объективной значимостью. Он обосновывает тезис, согласно которому исследование справедливости, особенно в сфере права, должно основываться на допущении того, что научному познанию доступны и в его рамках верифицируемы только субъективные представления о ценностях. Книга будет полезна тем, кто интересуется вопросами теории государства и права, а также тем, кто изучает историю политических и правовых учений, методологические проблемы общей теории права и отраслевых юридических наук.